18+

Евгений Слогодский

За гранью Видимого

Тайны тибетских монастырей и семь шагов к новому зрению

Евгений Слогодский

За гранью видимого. Тайны тибетских монастырей и семь шагов к новому зрению

«Издательские решения»

Слогодский Е.

За гранью видимого. Тайны тибетских монастырей и семь шагов к новому зрению / Е. Слогодский — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Что скрывают древние монастыри Гималаев? Загадочные встречи с тибетскими йогинами, шаманами и оракулами, мистические видения, тайны человеческого сознания и семь шагов к новой жизни. Путешественник Евгений Слогодский приглашает читателя в мир, где реальность переплетается с невероятным, а древние практики открывают неожиданные возможности зрения, памяти и воображения. Это путешествие способно изменить не только ваш взгляд на мир, но и представление о самом себе.

© Слогодский Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Дорога в страну, где горы хранят тайны 6
Дорога через Большие Гималаи 7
Путешествие пробуждает древнее зрение 8
Древний монастырь на горе 9
Японский монах и русский Чебурашка 10
Странствующий лама 11
Ужин в молитвенном зале 12
Просьба о практике для путников 13
Глава первая. Семь шагов тибетского целителя 15
Практика, которая показалась слишком простой 15
Первые семь шагов 16
Четверо вокруг молитвенного флага 18
Чёрный медальон 20
Падающие звёзды и петух на крыше 21
Когда Махакала вышел из дыма 23
Улей для падающих звёзд 25
Холод гималайской ночи 26
Перо на каменных плитах 27
Глава вторая. Сто процентов зрения. Сто процентов чего? 28
Дорога в Лех 28
Овцы, которых я не увидел 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

За гранью видимого
Тайны тибетских монастырей
и семь шагов к новому зрению

Евгений Слогодский

© Евгений Слогодский, 2026

ISBN 978-5-0071-6401-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Дорога в страну, где горы хранят тайны

За годы путешествий мне довелось встречать шаманов, народных целителей, буддийских монахов и хранителей древних традиций. Одни знакомили меня с необычными способами работы с телом, другие открывали новые возможности человеческого сознания, третьи оставляли после себя загадки, к которым я возвращался спустя много лет. Но среди всех этих встреч была одна, произошедшая в маленьком гималайском монастыре, значение которой я продолжаю открывать до сих пор.

Это случилось во время поездки в Ладак, высокогорную область на севере Индии, где среди величественных горных хребтов сохранились старинные буддийские монастыри, ритуальные традиции и особый уклад жизни.

Было это приблизительно в 2009—2010 годах. К тому времени за моими плечами уже было немало экспедиций. Меня интересовало, как разные культуры понимают человеческие способности, какими способами развивают внимание, память, восприятие и управляют состояниями сознания. Особое место в этих поисках занимало зрение, изучением и восстановлением которого я занимался уже много лет.

В Ладак я отправлялся с надеждой познакомиться с малоизвестными практиками, увидеть монастырскую жизнь изнутри и, если повезёт, встретить людей, сохранивших старинные способы работы с телом и сознанием.

Я не предполагал, что такая встреча произойдёт ещё до окончания дороги и что главным её участником окажется не монах, постоянно живущий в монастыре, а странствующий тибетский йогин, человек, чей образ жизни заметно отличался от всего, к чему привык современный путешественник.

Дорога через Большие Гималаи

Путь в Ладак проходил через Большой Гималайский хребет. Впереди нас ожидали три дня горных дорог, перевалов, ущелий и ландшафтов, настолько необычных, что порой трудно было поверить в их земное происхождение.

Горы постоянно меняли свой облик. Одни склоны казались сложенными из красноватой глины, другие поднимались огромными серыми и чёрными гребнями. Иногда перед нами открывались пространства, почти совершенно лишённые растительности, где разноцветные каменные массивы уходили к горизонту, напоминая фантастические изображения Марса. В других местах горные породы образовывали причудливые складки, словно когда-то мягкую поверхность земли смяли гигантские руки, а затем она окаменела.

Особенно поражали масштабы окружающего мира. То, что издали казалось небольшим холмом, при приближении превращалось в громадную гору. Узкая дорога едва различалась среди каменных склонов, а монастыри, иногда появлявшиеся на вершинах, выглядели настолько маленькими и одинокими, что трудно было представить, каким образом туда вообще можно добраться.

Я подолгу всматривался в эти сооружения, пытаясь разглядеть тропы, ведущие к ним. Как монахи доставляют туда пищу? Где берут воду? Как переживают суровые зимы? Что заставляет человека выбирать для жизни место, настолько удалённое от привычного мира?

Дорога тоже не позволяла расслабиться. На отдельных участках она была повреждена горными обвалами, и нам приходилось останавливаться, ожидая, пока рабочие восстановят проезд. Иногда машина медленно пробиралась по узкой полосе между отвесной каменной стеной и глубоким ущельем. В других местах приходилось объезжать осыпи или преодолевать участки, где дорога лишь недавно была расчищена.

Особенно запомнилось селение, оказавшееся погребённым под обрушившейся скалой. Перед нами лежали следы разрушения, произведённого огромной массой камня. Горы, которые издали казались неподвижными и вечными, здесь напоминали о своей способности в одно мгновение изменить человеческие судьбы.

Наш проводник воспринимал такие обстоятельства гораздо спокойнее. Для него повреждённые дороги, обвалы и вынужденные остановки были обычной частью жизни в горах. Позднее, когда мы добрались до конечного пункта путешествия, он заметил, что нам повезло: весь путь занял всего три дня. Иногда дорогу перекрывает настолько серьёзный обвал, что путешественникам приходится ждать значительно дольше.

Первую ночь мы провели в палаточном лагере. После долгого дня среди гор временное пристанище казалось небольшим островком человеческой жизни посреди огромного каменного мира. Здесь особенно остро ощущалась разница между привычным существованием, где многое предусмотрено и устроено заранее, и путешествием, в котором постоянно приходится приспосабливаться к окружающей природе.

Путешествие пробуждает древнее зрение

В горах я особенно остро чувствовал, насколько иначе начинает работать зрение в незнакомом пространстве. В привычной обстановке мы почти не задумываемся о том, что находится за следующим поворотом, но здесь каждый изгиб дороги заставлял внимательнее смотреть вперёд, замечать изменения рельефа и мысленно представлять то, чего ещё не было видно.

Даже сидя в машине, я невольно следил за обрывами и каменными осыпями, пытался запоминать ориентиры и угадывать, каким окажется следующий участок пути. Наш водитель делал это с удивительной естественностью. Казалось, он заранее проходил каждый опасный поворот в своём воображении и лишь затем направлял туда машину.

Путешествие словно возвращало зрению его древнюю задачу: исследовать незнакомый мир и помогать человеку находить в нём дорогу.

На гималайской дороге эта способность проявлялась особенно ясно. Даже сидя в машине, я невольно следил за поворотами, обрывами и каменными осыпями, пытаясь заранее представить, каким окажется следующий участок пути. Наш водитель выполнял эту работу непрерывно. Ему было недостаточно видеть только то, что находилось непосредственно перед машиной. Он должен был оценивать состояние дороги, рассчитывать траекторию движения, учитывать возможные препятствия и мысленно готовиться к их преодолению.

В сущности, каждый опасный поворот сначала нужно было пройти в собственном представлении и лишь затем преодолеть в действительности.

Древний монастырь на горе

Тогда я ещё не предполагал, что совсем скоро встречу человека, который предложит мне практику, неожиданным образом связанную с этой способностью.

На второй день путешествия мы уже въехали в Ладак. Ближе к вечеру дорога привела нас к небольшому монастырю, стоявшему на возвышенности среди гор.

Он не поражал размерами или богатством внешнего убранства. Напротив, в его облике чувствовалась простота, свойственная старым высокогорным постройкам. Стены, сложенные из местных материалов, почти сливались с окружающим каменным склоном. Казалось, монастырь не столько построили, сколько постепенно вырастили из самой горы.

Нам рассказали, что ему более пятисот лет. Насколько точной была эта дата, я судить не мог, однако следы времени здесь ощущались буквально во всём. Потемневшие стены, старые деревянные конструкции, следы многочисленных ремонтов и предметы, сохранявшиеся, по-видимому, на протяжении нескольких поколений, создавали впечатление места, в котором время движется совсем иначе.

Особенно меня заинтересовали пространства под крышами, устроенными из деревянных жердей. Там хранились предметы, предназначенные для монастырских праздников и ритуалов: старинные маски для священных танцев, большие свёрнутые танка и другие вещи, которые в обычные дни оставались скрытыми от посторонних глаз.

Маски производили сильное впечатление. Они не напоминали обычные театральные принадлежности. В их облике чувствовалась принадлежность к особому миру символов, где человеческие лица уступали место грозным божествам, фантастическим существам и образам, смысл которых раскрывался через монастырские предания и ритуальные традиции.

Рядом находились огромные свёрнутые танка, священные живописные изображения на ткани, которые во время больших праздников разворачивают для всеобщего обозрения. В Ладаке некоторые такие полотнища достигают внушительных размеров, и их могут размещать на открытом пространстве, в том числе на горных склонах.

Я представлял, как в праздничный день монастырь преображается: из хранилищ достают маски и ритуальные одежды, разворачивают священные изображения, а монахи готовятся к церемониям, традиции которых передаются из поколения в поколение.

Но особенно удивительным было то, что все эти предметы не выглядели музейными экспонатами. Они продолжали оставаться частью живой культуры, в которой старинные образы и обряды сохраняли своё значение.

Монастырь был связан с традицией Падмасамбхавы, великого духовного наставника, известного в тибетском буддизме под именем Гуру Ринпоче. С ним связано множество преданий о необычных способностях, духовных подвигах и преобразовании сознания. Для меня, исследователя традиционных систем оздоровления и духовных практик, посещение такого места представляло особый интерес.

Однако самое необычное ожидало меня не среди масок и священных изображений, а в людях, которых я встретил за монастырскими стенами.

Японский монах и русский Чебурашка

В монастыре находились люди, принадлежавшие к разным духовным традициям. Среди них был японский монах, который жил здесь и занимался медитацией.

Само его присутствие в небольшом монастыре среди гималайских гор уже казалось интересным. Японская культура, тибетский буддизм, индийские Гималаи, монастырские обычаи, всё это неожиданно соединялось в одном месте.

Мы разговорились, и беседа постепенно перешла от монастырской жизни к самым обыкновенным вещам. В какой-то момент японский монах неожиданно заговорил о Чебурашке. Оказалось, что этот герой советского мультфильма очень популярен в Японии.

Признаться, я был поражён. Представьте себе гималайский монастырь, окружённый величественными горами, священные маски, старинные ритуальные изображения, людей, посвятивших свою жизнь духовной практике, и вдруг совершенно неожиданный разговор о знакомом с детства Чебурашке.

Именно такие подробности делают путешествия по-настоящему живыми. Они напоминают, что за любыми загадочными традициями стоят обычные люди со своими интересами, воспоминаниями и человеческими привязанностями.

Но в тот вечер моё внимание всё больше привлекал другой человек, находившийся в монастыре.

Странствующий лама

Он заметно отличался от остальных.

Монахи, постоянно жившие в монастыре, были частью его повседневного уклада. Они поддерживали порядок, совершали молитвы, сохраняли обычаи, заботились о храме и предметах, необходимых для проведения церемоний. Их жизнь была связана с определённым местом, распорядком и общиной.

Этот человек словно принадлежал совсем другому миру.

Он был странствующим ламой, духовным учителем, который, насколько я мог понять, не был связан с постоянной жизнью этого монастыря. В тибетской традиции ламой называют почитаемого духовного наставника, однако меня заинтересовало не столько его положение, сколько внешний облик и поведение.

Он был сухощавым, жилистым, с телом, в котором угадывалась необыкновенная выносливость. Несмотря на холод, носил лёгкую одежду и простые сандалии, совершенно не проявляя признаков неудобства от низкой температуры. Длинные волосы были собраны в узел на голове, что придавало ему облик, совершенно не похожий на привычный образ монаха с обритой головой.

Всё в нём напоминало странствующих йогинов и отшельников, о которых мне приходилось читать в описаниях тибетских духовных традиций. Людей, которые могут проводить долгие годы в уединении, путешествовать по горным тропам и осваивать методы работы с телом и сознанием, передаваемые непосредственно от учителя к ученику.

В тибетской культуре существуют предания о сиддхах, великих практиках, которым приписывают необычные способности, достигнутые благодаря многолетней духовной дисциплине. Я не знал, к какой именно традиции принадлежал встреченный мной человек и какие практики освоил за свою жизнь. Но его облик невольно заставлял вспомнить именно об этих странствующих йогинах.

К нему с огромным уважением относились монахи. Это чувствовалось в самом их поведении. Было заметно, что перед ними не случайный путник, которому разрешили переночевать в монастыре, а человек, чьё присутствие имело для них особое значение.

Вечером произошло ещё одно событие, усилившее это впечатление.

Ужин в молитвенном зале

Ужинали мы прямо в большом монастырском зале, где обычно совершались молитвы. Обстановка была предельно простой, без привычного разделения на торжественное храмовое пространство и удобное помещение для повседневной жизни.

Монахи разносили пищу из большой алюминиевой ёмкости, напоминавшей вместительный котёл или бак. Они подходили к присутствующим и раскладывали простую кашеобразную еду, приготовленную из обжаренной ячменной муки.

Эта традиционная пища называется цампа.

Для народов Тибета и Ладака обжаренный ячмень издавна был одним из важнейших продуктов питания. Его перемалывали в муку, которую можно было смешивать с жидкостью и употреблять без длительного приготовления. В условиях высокогорья, где топливо и разнообразные продукты не всегда доступны, такая пища имела особое значение.

Наш монастырский ужин был удивительно скромным. Никакого разнообразия блюд, к которому привык современный человек, здесь не было. Простая ячменная пища составляла всю трапезу.

А странствующий йогин в это время не ел. Он сидел в стороне, погружённый в медитацию, словно происходившая вокруг трапеза совершенно его не касалась.

Я обратил на это внимание нашего проводника. Мне было любопытно, когда и чем питается этот человек.

Ответ оказался ещё более удивительным. Проводник рассказал, что, по словам местных монахов, странствующий лама вообще ничего не ест.

Признаться, я отнёсся к этому сообщению с большим сомнением. Мне и прежде доводилось слышать рассказы о йогинах и отшельниках, которые будто бы способны годами обходиться без пищи, сохраняя при этом физическую силу и выносливость. Но в те годы я не верил в подобные истории. Слишком уж они противоречили всему, что мне было известно о человеческом организме.

Возможно, странник соблюдал длительный пост, возможно, питался каким-то необычным образом. Я не мог этого знать. Но теперь передо мной находился живой человек, о котором сами монахи рассказывали столь невероятные вещи.

У меня возникало всё больше вопросов. Однако главным было желание узнать, какими знаниями и практиками обладает этот человек.

Просьба о практике для путников

Я обратился к нашему проводнику с просьбой узнать, можно ли получить от странствующего йогина какую-нибудь духовную практику, которая пригодилась бы путникам в дороге.

Проводник переговорил с монастырскими ламами. Один из них подошёл к йогину, почтительно склонился и тихо заговорил с ним. Мы не слышали их разговора, но внимательно наблюдали за происходящим. Странник некоторое время оставался неподвижным, затем поднял глаза на монаха и едва заметно кивнул.

Проводник сообщил, что йогин согласился передать нам практику.

Мы расположились вокруг него. Вместе с нами сел и японский монах, с которым незадолго до этого мы разговаривали о Чебурашке. Ещё недавно мы улыбались, вспоминая знакомого мультяшного героя, а теперь сидели рядом в ожидании знания, которое странствующий учитель согласился передать всем присутствующим.

В монастыре постепенно наступал вечер. За старыми стенами шумел горный ветер, проникавший в узкие проходы между постройками. Из глубины монастыря доносилось протяжное гортанное чтение мантр. Низкие голоса то усиливались, то почти растворялись в тишине, словно сами стены продолжали эту монотонную молитву.

В какой-то момент запах благовоний стал заметно сильнее. Вероятно, монахи подложили в курильницу свежие веточки можжевельника и другие ароматные горные растения. Сначала в воздухе появился тонкий, терпкий аромат, напоминавший запах хвои, нагретой смолы и сухой древесины. Затем он сделался густым и насыщенным, постепенно заполняя молитвенный зал.

Лёгкие струйки дыма тянулись вдоль стен, проникали в проходы и соседние помещения, смешиваясь с прохладным горным воздухом. В полумраке дым казался почти осязаемым. Он медленно поднимался, закручивался под потолком и расплывался тонкими слоями, сквозь которые проступали старинные изображения и потемневшие деревянные балки.

Запах можжевельника постепенно вытеснял все остальные запахи монастыря. Казалось, само пространство менялось, освобождаясь от повседневной суеты и наполняясь особой сосредоточенной тишиной.

Йогин медленно открыл глаза и внимательно посмотрел на присутствующих. В его взгляде не было ни любопытства, ни желания произвести впечатление. На мгновение возникло странное ощущение, будто этот человек способен замечать нечто большее, чем открывается обычному взгляду.

Затем, после долгой неподвижности, его тело словно пробудилось. Он расправил шею, плавно вытянул позвоночник, по-кошачьи выгнул спину и несколькими быстрыми, удивительно точными движениями размял плечи и всё тело. В этих движениях не чувствовалось ни малейшей скованности. Они были гибкими, мягкими и одновременно исполненными силы, словно многолетние странствия не отняли у него подвижности, а, напротив, сделали тело необычайно послушным.

Меня поразил этот переход от полной неподвижности к стремительному движению. Казалось, йогин мог мгновенно изменять состояние своего тела, не затрачивая на это никаких видимых усилий.

Закончив разминку, он вновь сел прямо, некоторое время помолчал, а затем достал небольшой ритуальный колокольчик.

Раздался тонкий серебристый звон. Он был негромким, но в тишине молитвенного зала прозвучал необычайно отчётливо. Йогин слегка качнул колокольчик ещё раз, и новый звук словно повис в воздухе, постепенно растворяясь среди низкого пения монахов и шума ветра за стенами.

Все невольно сосредоточились на нём. Йогин положил колокольчик рядом с собой и, выдержав небольшую паузу, начал говорить. Из соседнего помещения по-прежнему доносилось чтение мантр, но теперь оно казалось далёким, словно отделённым от нас невидимой преградой.

Я ждал, что он предложит нам какую-нибудь защитную мантру, особое благословение или старинный ритуал, предназначенный для путешественников. Ведь впереди оставался ещё один день пути по опасным гималайским дорогам, где многое зависело от погоды, состояния горных склонов и случайных обстоятельств.

Но странствующий йогин выбрал совершенно неожиданную практику.

Он говорил негромко, сопровождая объяснение несколькими простыми движениями. Один из монастырских лам помогал нашему общению, а проводник переводил его слова. Сначала я пытался понять, какое отношение услышанное имеет к духовным традициям Тибета. Всё выглядело настолько просто, что трудно было представить, какой смысл скрывается за этим упражнением.

Постепенно выяснилось, что в основе практики лежит особая последовательность из семи шагов.

Семь самых обыкновенных человеческих шагов. Но почему странствующий йогин придал им особое значение и что скрывалось за предложенной им последовательностью, мне ещё предстояло понять.

Я внимательно слушал объяснения, но вопросов становилось только больше. Почему именно семь? Что должно измениться в восприятии человека? И почему учитель, которому монастырские ламы оказывали такое почтение, выбрал для нас именно эту практику?

Когда объяснение закончилось, он снова взял колокольчик. На этот раз звук был совсем коротким, почти неуловимым. Затем йогин жестом предложил нам приблизиться.

Мы подходили к нему по очереди. Он поднимал руку и мягко прикасался кончиками трёх пальцев ко лбу каждого участника. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но сам момент воспринимался удивительно торжественно. Я видел, как он совершал этот жест над другими, и понимал, что вскоре моя очередь.

Когда я приблизился, йогин внимательно посмотрел мне в глаза. Затем его рука поднялась, и три пальца на мгновение коснулись моего лба.

Я не могу сказать, что именно должен был означать этот жест в его традиции. Возможно, благословение, возможно, символическое закрепление переданного знания. Но для меня он стал завершением встречи, в которой слова, движения, звуки и сама атмосфера монастыря соединились в одно глубокое переживание.

Такое же прикосновение получил и японский монах, с которым мы совсем недавно беседовали о Чебурашке.

Я ещё не знал, какое место эта встреча займёт в моей жизни. За стенами монастыря шумел гималайский ветер, в воздухе медленно растворялся дым можжевельника, а впереди нас ожидал ещё один день трудной горной дороги.

Мы попросили практику для путников и получили семь шагов, смысл которых мне предстояло открывать долгие годы.

За стенами монастыря шумел гималайский ветер, в воздухе медленно растворялся дым можжевельника, а впереди нас ожидал ещё один день трудной горной дороги.

Тогда я ещё не подозревал, что однажды передам эти семь шагов вам.

Глава первая. Семь шагов тибетского целителя

Практика, которая показалась слишком простой

Когда странствующий йогин закончил объяснять свою практику, я некоторое время пытался понять, не упустил ли чего-нибудь важного. После всего, что мы услышали об этом удивительном человеке, после его необычных движений, звона ритуального колокольчика, можжевелового дыма и прикосновения трёх пальцев ко лбу я ожидал чего-то гораздо более сложного. Возможно, особой медитации, тайной мантры или необычного способа сосредоточения, которым владеют лишь немногие посвящённые.

Вместо этого нам предложили ходить. Правда, ходить нужно было определённым образом, чередуя шаги с открытыми и закрытыми глазами. Начинать следовало с шести шагов, во время которых смотришь перед собой, и одного шага с закрытыми глазами. Затем постепенно увеличивать количество шагов, выполняемых без зрительного контроля, пока из семи шагов только один не останется с открытыми глазами.

На первый взгляд всё выглядело настолько просто, что даже вызывало некоторое недоверие. Я много путешествовал, знакомился с самыми разными системами оздоровления, наблюдал за шаманами, целителями и хранителями старинных традиций, но редко встречал практику, для которой требовалось бы так мало внешних приготовлений. Ни специальных предметов, ни сложных поз, ни длительных объяснений. Достаточно было собственных ног, глаз и нескольких метров свободного пространства.

Впрочем, простота вовсе не означала, что упражнение окажется лёгким. Я уже знал по собственному опыту, насколько непривычным может стать самое обыкновенное действие, если попытаться выполнять его сознательно, замечая то, на что прежде никогда не обращал внимания.

Японский монах, с которым мы познакомились незадолго до этого, тоже явно не собирался откладывать практику на потом. Он внимательно выслушал последние пояснения нашего проводника и с живым интересом посмотрел на меня. Мы почти одновременно выразили желание попробовать упражнение прямо сейчас.

Японца я мысленно называл Чебурашкой. Его настоящее имя оказалось для моего русского слуха настолько непривычным, что я никак не мог удержать его в памяти. Зато недавний разговор о том, какой популярностью пользуется Чебурашка в Японии, запомнился прекрасно. Так у японского монаха появилось собственное имя в моих путевых воспоминаниях. Разумеется, вслух я его так не называл. Это было моё личное, вполне дружелюбное обозначение человека, с которым судьба неожиданно свела меня в маленьком гималайском монастыре.

Он рассказал, что в Японии тоже существуют практики, связанные с движением, сосредоточением и действиями с закрытыми глазами. Ему самому доводилось заниматься подобными вещами, поэтому наставление тибетского йогина показалось особенно интересным. Японец говорил об этом с таким увлечением, что вскоре мы уже искали место, где можно было бы сделать первые семь шагов.

Наш проводник ещё раз перевёл последовательность упражнения и предложил начать с самого простого варианта. Сам он пока не собирался участвовать, предпочитая наблюдать за нашими попытками. Мы отошли к свободной части молитвенного зала.

Первые семь шагов

Старинный зал был наполнен тем особенным полумраком, который бывает в небольших гималайских монастырях. Свет масляных светильников отражался на потемневших изображениях божеств, уходил в складки тяжёлых тканей и терялся среди деревянных колонн. Под потолком висели старые ритуальные предметы, а воздух хранил запах благовоний, шерстяной одежды и вековой пыли.

Мы с японцем встали рядом, выбрали направление и начали считать шаги. Шесть с открытыми глазами, один с закрытыми. Казалось бы, что может быть проще? Но стоило мне сознательно сосредоточиться на каждом шаге, как привычная ходьба сразу стала какой-то другой. Приходилось следить за счётом, помнить, когда закрыть глаза, вовремя открыть их и одновременно сохранять направление. Всё это требовало внимания, хотя обычно человек ходит совершенно свободно, даже не задумываясь над тем, как именно переставляет ноги.

Первый раз мы прошли семь шагов и остановились. Затем повторили последовательность, потом ещё раз. Постепенно стали действовать увереннее, но вскоре обнаружилась неожиданная трудность. В молитвенном зале попросту не хватало места. Мы то приближались к колонне, то оказывались слишком близко к стене, то вынуждены были менять направление. Стоило только почувствовать некоторую свободу движения, как приходилось останавливаться и начинать сначала.

Японец относился к этим затруднениям с завидным терпением. Он внимательно отсчитывал шаги, иногда улыбался, когда сбивался, и снова возвращался к началу. Я тоже пытался уловить, чем отличается последний, невидимый шаг от предыдущих шести, но постоянные остановки мешали сосредоточиться.

Неподалёку стоял молодой тибетский монах. Я заметил его ещё во время объяснений йогина. Теперь он внимательно наблюдал за нами, стараясь не привлекать к себе внимания. Иногда он слегка наклонял голову, словно мысленно повторял нашу последовательность, а когда мы останавливались, переводил взгляд с одного на другого.

После очередной неудачной попытки пройти весь отрезок без остановки мы решили поискать более подходящее место. В коридоре оказалось немного просторнее, и мы снова начали ходить, повторяя знакомую последовательность. Но вскоре выяснилось, что длинный монастырский коридор тоже не слишком удобен. Здесь мешали повороты, неровности стен и необходимость постоянно следить за тем, чтобы не приблизиться к дверному проёму или случайно не столкнуться с кем-нибудь из проходивших монахов.

Особенно досадно было то, что упражнение начинало получаться именно тогда, когда приходилось останавливаться. Мы уже научились довольно легко проходить первый цикл, но не могли повторять его достаточно долго, сохраняя ровный ритм. Молодой монах последовал за нами и продолжал наблюдать.

Наконец он решился подойти к нашему проводнику и что-то негромко спросил по-тибетски. Между ними завязался короткий разговор. Проводник улыбнулся и объяснил, что юноша тоже хочет попробовать упражнение и просит разрешения присоединиться к нам. Мы, конечно, согласились.

Теперь я смог рассмотреть его внимательнее. Это был совсем молодой человек с открытым, любопытным лицом и удивительными глазами. На фоне загорелой кожи и тёмных волос они казались почти серо-синими. Подобные светлые глаза мне уже доводилось встречать у некоторых жителей тибетских горных районов, но здесь, в полумраке монастырского коридора, они выглядели особенно необычно.

Монах назвал своё имя. Я расслышал что-то похожее на Дордже Барху. Первое слово запомнил сразу, поскольку дордже, или ваджра, был мне хорошо знаком как один из священ-

ных символов тибетского буддизма. А вот вторая часть имени осталась в памяти весьма приблизительно. Поэтому для себя я почти сразу назвал его Монашонком. Он был настолько молод, любознателен и непосредственен, что другое обозначение мне просто не приходило в голову. Как и в случае с японцем, это прозвище существовало исключительно в моих мыслях. Сам юноша, разумеется, ничего о нём не подозревал.

Узнав от проводника, что мы ищем место для более продолжительной ходьбы, Монашонок оживился и предложил перейти во внутренний двор монастыря. Там, по его словам, было достаточно свободного пространства, чтобы двигаться, не останавливаясь через каждые несколько шагов. Предложение оказалось очень своевременным, и мы направились во двор, ещё не подозревая, что именно там простое упражнение превратится для меня в одно из самых необычных переживаний всего гималайского путешествия.

Четверо вокруг молитвенного флага

Внутренний двор монастыря был небольшим, но после тесного молитвенного зала и узких коридоров показался нам почти просторной площадью. Каменные стены окружали его со всех сторон, оставляя над головой широкий кусок ночного неба. За монастырскими постройками темнели горы, вершины которых уже растворились в наступившей ночи.

Посреди двора находилась невысокая квадратная площадка. В её центре поднимался высокий шест с большим молитвенным флагом, который гималайский ветер то натягивал, то заставлял беспокойно хлопать. Вокруг площадки оставалось достаточно места, чтобы двигаться по кругу, не приближаясь вплотную ни к шесту, ни к стенам.

Монашонок показал нам удобный маршрут, и мы сразу оценили его предложение. Здесь же наш проводник неожиданно решил присоединиться к упражнению. До этого он помогал переводить наставления, наблюдал за нашими попытками и временами что-то пояснял, но сам оставался в стороне. Теперь, оказавшись на открытом пространстве, он с улыбкой сообщил, что тоже хочет попробовать. Так нас стало четверо.

Мы начали двигаться вокруг квадратной площадки, стараясь сохранять небольшие расстояния друг между другом. Каждый самостоятельно отсчитывал свои семь шагов, поэтому постепенно у нас возник собственный ритм, в котором общая ходьба сочеталась с личным сосредоточением.

Сначала продолжали первый цикл. Теперь уже не нужно было останавливаться после каждого повторения. Мы проходили семь шагов, начинали следующие семь, затем ещё и ещё. Движение постепенно становилось привычным, а закрывание глаз перестало вызывать первоначальную неловкость.

Я заметил, что даже один шаг с закрытыми глазами ощущается по-разному. Если перед этим внимательно посмотреть на пространство, запомнить направление и почувствовать движение собственного тела, шаг получается вполне естественным. Но стоит отвлечься или начать чрезмерно контролировать ноги, как появляется скованность, будто человек внезапно разучился ходить.

Японец двигался сосредоточенно и аккуратно. Монашонок, напротив, иногда проявлял нетерпение и стремился пройти очередной отрезок быстрее, но затем снова возвращался к спокойному ритму. Особенно интересно было наблюдать за нашим проводником. На нём была традиционная гималайская шапочка, свободная североиндийская одежда и тёплая безрукавка. Он двигался удивительно плавно, словно ходьба была для него разновидностью танца. Иногда его корпус едва заметно поворачивался вслед за направлением движения, а свободная одежда мягко колыхалась при каждом шаге.

Мне невольно вспомнились суфийские дервиши, которых я видел во время своих путешествий. В движениях проводника было что-то похожее на их спокойное, ритмичное кружение. Разумеется, он не исполнял никакого суфийского танца, а просто ходил вместе с нами, но возникшая ассоциация почему-то запомнилась.

Через некоторое время наш проводник, опираясь на полученные от ламы объяснения, предложил перейти ко второму варианту. Теперь нужно было сделать пять шагов с открытыми глазами и два с закрытыми. Мы снова начали ходить по кругу.

Два последовательных шага без зрительного контроля оказались заметно интереснее одного. За первое мгновение глаза ещё словно продолжали удерживать увиденную картину, но на втором шаге приходилось уже увереннее полагаться на собственное ощущение пространства. Я обнаружил, что могу довольно точно представлять расположение квадратной площадки, молитвенного флага и окружающих стен даже тогда, когда перестаю их видеть.

Впрочем, вскоре выяснилось, что монастырский двор приготовил нам собственные трудности. Неподалёку находилась большая курильня, в которой тлели можжевельник и рододендрон Адамса. Густой ароматный дым поднимался над ней тяжёлыми клубами, но ветер не позволял ему спокойно уходить в небо. Он то прижимал дым к каменным плитам, то гнал его вдоль стен, то затягивал в проходы между зданиями.

Иногда двор почти полностью очищался, и можно было отчётливо различить каждый камень. Но стоило ветру изменить направление, как плотная дымная волна накатывала на нас, скрывая противоположную сторону площадки и заставляя прищуриваться.

Дым щипал глаза. Они начинали слезиться, приходилось часто моргать и вытирать слёзы. Это было особенно неудобно во время упражнения, когда требовалось чередовать открытые и закрытые глаза, сохраняя при этом направление движения. Получалось забавно: мы специально учились ходить, не видя окружающего пространства, а монастырская курильня время от времени лишала нас ясного зрения даже тогда, когда глаза были открыты.

Однако никто не собирался прекращать занятие. Мы продолжали ходить, повторяя второй цикл снова и снова. Постепенно привыкли и к дыму, и к ветру, и к хлопанью молитвенного флага. Время от времени обменивались короткими замечаниями, улыбались собственным ошибкам и вновь сосредоточивались на семи шагах.

Чёрный медальон

Во время одного из таких кругов я обратил внимание на необычное украшение, висевшее на груди нашего проводника. Это был чёрный медальон треугольной формы, направленный вершиной вверх. Его стороны были немного округлены, поэтому он напоминал небольшую пирамиду, словно вырезанную из цельного куска какого-то тёмного материала.

Из чего именно он был сделан, я так и не смог определить. Возможно, из чёрного камня, а может быть, из почерневшего металла или даже дерева, покрытого тёмной краской. Поверхность выглядела старой, почти матовой, но отдельные выступающие детали иногда поблёскивали, когда на них падал свет из монастырских окон.

Самым интересным было изображение внутри треугольника. В нижней части теснилось множество крошечных фигурок. Издалека они напоминали маленьких людей, но при ближайшем рассмотрении казались скорее пчёлами, собравшимися в плотный рой. Выше фигурки становились крупнее, а на самой вершине располагалась одна большая, которую я тоже не мог толком разобрать. Вся композиция напоминала странную пирамиду из живых существ или необычный улей, в котором маленькие обитатели расположились по какому-то только им известному порядку.

Когда мы ненадолго остановились, я спросил проводника, что изображено на медальоне. Он произнёс слово, которое мне послышалось как «Бхавани». Я переспросил, кто это такой. Проводник коснулся украшения пальцами и пояснил, что речь идёт о Махакали.

Имя было мне знакомо. Махакали, грозная чёрная богиня индуистской традиции, почитаемая в том числе в гималайских областях, соединяет в своём образе разрушительную силу времени и могущество, защищающее от зла. В её изображениях можно встретить ожерелья из черепов, оружие, отрубленные головы и другие устрашающие символы. В некоторых храмах Кали совершаются кровавые жертвоприношения животных, а старинные рассказы и предания упоминают даже человеческие жертвы. При этом для самих почитателей богини её грозный облик вовсе не исключает материнского покровительства и защиты.

Я ещё раз посмотрел на чёрный треугольник. Изображение по-прежнему оставалось для меня загадочным. Оно мало походило на привычные изображения богини, которые мне доводилось видеть раньше. Особенно странными казались крошечные фигурки, собравшиеся в нижней части медальона.

Проводник не стал подробно объяснять их значение, а я не настаивал. Мне было достаточно узнать имя, с которым он связывал своё украшение. Позднее, путешествуя по Северной Индии, особенно по долине Кулу, я встречал похожие медальоны у людей, почитавших Кали, которую там называли также Калима. Тогда я снова вспомнил нашего проводника и его необычный чёрный треугольник. Но в тот вечер эта встреча ещё была впереди, и медальон оставался для меня маленькой гималайской загадкой.

Мы продолжили практику. Монашонок уже вполне освоился, японец двигался с прежней сосредоточенностью, а проводник всё так же плавно обходил квадратную площадку. Его чёрный медальон слегка покачивался на груди, временами исчезая в складках одежды.

Ветер снова принёс дым со стороны курильни. Мы уже довольно долго выполняли второй цикл, когда проводник предложил попробовать следующий вариант: четыре шага с открытыми глазами и три с закрытыми. Именно тогда началось самое удивительное.

Падающие звёзды и петух на крыше

Мы продолжали ходить вокруг квадратной площадки, теперь уже делая четыре шага с открытыми глазами и три с закрытыми. К этому времени я настолько привык к семишаговому ритму, что почти перестал задумываться над счётом. Ноги двигались сами собой, а внимание всё больше переключалось на окружающее пространство. Даже когда глаза закрывались, я довольно отчётливо представлял, где находится молитвенный флаг, в какую сторону поворачивает наш путь и сколько места остаётся до монастырской стены.

Ветер то приносил дым, то уносил его к противоположной стене. Особенно странным было то, что после трёх шагов с закрытыми глазами я не всегда сразу узнавал привычную картину. Там, где только что виднелась стена, теперь клубился дым, фигуры моих спутников то исчезали, то вновь проступали сквозь него, а молитвенный флаг временами казался висящим прямо в воздухе, без шеста.

Постепенно у меня возникло необычное ощущение, будто мы движемся уже не столько по монастырскому двору, сколько внутри какого-то постоянно меняющегося пространства. Я прекрасно помнил, где находятся стены, площадка и курильня, но всякий раз, открывая глаза, словно заново обнаруживал их расположение. При этом никакого беспокойства не испытывал. Напротив, мне было интересно наблюдать, как привычный мир то исчезает, то снова возникает перед глазами.

При этом я совершенно не замечал, когда именно привычная картина монастырского двора начала приобретать какие-то новые, необычные черты. Всё происходило настолько естественно, что я не пытался отделить увиденное от действительности. Я по-прежнему шёл вокруг квадратной площадки, открывал и закрывал глаза, слышал хлопанье молитвенного флага и чувствовал запах можжевелового дыма. Казалось, ничего особенного не происходило.

Именно в один из таких моментов я заметил над монастырём падающую звезду. Она прочертила тёмное небо яркой полосой и исчезла за горным хребтом. Я поднял голову, проводил её взглядом и продолжил идти. Вскоре появилась ещё одна светящаяся полоса, затем другая. Звёзды падали в разных направлениях, словно кто-то невидимый бросал их с небес в разные стороны.

Небо над Гималаями и без того поражало своей глубиной. Вдали от больших городов звёзды здесь казались невероятно яркими, а горные вершины придавали ночному пространству особенную торжественность. Но такого необычного звездопада я не ожидал увидеть.

Я пытался проследить за очередной светящейся полосой, когда взгляд случайно остановился на крыше монастыря. Там стоял петух. Самый настоящий чёрный петух, с хорошо различимым гребнем, вытянутой шеей и длинными хвостовыми перьями. Его чёрное оперение переливалось перламутровыми оттенками, а на крыльях вспыхивали оранжевые, зелёные и синие отблески.

Я удивился. Конечно, петухи встречаются в гималайских селениях, и само по себе присутствие домашней птицы возле монастыря не представляло ничего невероятного. Но откуда он взялся на крыше среди ночи? Я ещё не успел додумать эту мысль, как петух вытянул шею и громко закукарекал.

Его крик разнёсся над монастырским двором настолько отчётливо, что я невольно посмотрел на него ещё раз. Петух продолжал кукарекать, словно действительно собирался разбудить всю округу.

Меня это неожиданно развеселило. Над горами падали звёзды, в монастырском дворе четверо людей ходили с закрытыми глазами, а на крыше сидел петух и среди ночи объявлял наступление утра. Почему-то сразу вспомнился Пушкин с его «Сказкой о золотом петушке», царь Дадон и волшебная птица, предупреждавшая своего хозяина о приближающейся беде. Я

даже подумал, что наш гималайский петух, должно быть, тоже решил кому-то что-то сообщить, только явно перепутал время суток.

И тут за моей спиной раздался тяжёлый звук.

Бух. Бух. Бух.

Я обернулся и увидел позади Монашонка. Он двигался совершенно обычно, сосредоточенно отсчитывая шаги, и, кажется, даже не заметил моего удивления. Я посмотрел на его лёгкую фигуру, на сандалии, почти бесшумно касавшиеся каменных плит, и решил, что странный грохот донёсся откуда-то из монастырских построек. Возможно, кто-нибудь закрыл тяжёлую дверь или ветер ударил по деревянным воротам.

Я снова повернулся вперёд и продолжил упражнение, сохраняя прежнюю последовательность: четыре шага с открытыми глазами, три с закрытыми. Через некоторое время тяжёлые удары повторились.

Бух. Бух. Бух.

Теперь звук был отчётливее и ближе. Казалось, кто-то огромный идёт прямо за мной, с каждым шагом сотрясая старинные каменные плиты. Я снова оглянулся, но позади по-прежнему находился молодой Дордже. Он шёл в нескольких шагах от меня, немного опустив голову, и выглядел совершенно безобидно. Его светлые глаза на мгновение встретились с моими, после чего он снова сосредоточился на движении.

Мне стало даже смешно. Не мог же этот худенький юноша производить такой грохот, словно за мной двигалась тяжёлая железная машина. Я продолжил ходьбу, но теперь невольно прислушивался к звукам за спиной.

Ветер хлопал молитвенным флагом, дым накатывал со стороны курильни, а над крышей монастыря снова прокричал петух. Всё это смешивалось с тихими шагами моих спутников и отдалёнными звуками ночного монастыря.

И вдруг грохот раздался в третий раз.

Бух. Бух. Бух.

На этот раз он был настолько тяжёлым и близким, что я почти физически почувствовал, как под ногами отзываются каменные плиты. Казалось, за моей спиной шагает огромная статуя, отлитая из чёрного железа и весящая не меньше сотни тонн. Я резко обернулся и вместо молодого Монашонка увидел Махакалу.

Когда Махакала вышел из дыма

В тибетском буддизме Махакала почитается как могущественный гневный защитник учения, надмирное существо, чья устрашающая внешность символизирует силу, способную сокрушать препятствия и побеждать разрушительные силы. Его изображения мне доводилось видеть и прежде: на монастырских росписях, старинных танках, ритуальных масках, которые используются во время священных танцев. Но одно дело рассматривать изображение Махакалы на ткани или стене, и совсем другое увидеть, как он собственной персоной шагает по монастырскому двору прямо за твоей спиной.

Передо мной возвышалось огромное чёрное существо, почти полностью заполнявшее пространство между монастырскими стенами. Его тело казалось одновременно живым и высеченным из какого-то невероятно тяжёлого камня. Массивные ноги ступали по плитам с таким грохотом, будто каждый шаг сопровождался ударом гигантского молота.

Бух. Бух. Бух.

На его голове громоздилась корона из человеческих черепов. Другие черепа и костяные украшения свисали на груди, переплетались с многочисленными ожерельями и ритуальными предметами. Длинные спутанные волосы вздымались над головой и расходились в стороны, словно огромная чёрная грива. Но это были не совсем волосы в привычном понимании. Казалось, они состояли из густого дыма погребальных костров, который непрерывно поднимался вверх, извивался и растворялся в ночном воздухе.

Среди этой дымящейся гривы особенно ярко выделялось лицо. Огромные глаза смотрели из-под тяжёлых надбровных дуг, а посреди лба пылал третий глаз. Он сиял так ярко, словно внутри него горел раскалённый уголь. Временами мне казалось, что этот глаз смотрит не только на окружающие предметы, но и сквозь них, проникая куда-то гораздо дальше обычного человеческого взгляда.

На бёдрах Махакалы была повязка из шкуры леопарда. Пятнистый мех резко выделялся на фоне его чёрного тела, а тяжёлые складки шкуры покачивались при каждом шаге.

Но больше всего поражали руки. Их было шесть. Шесть огромных рук расходились от массивного туловища, словно ветви какого-то невероятного дерева. Они напоминали одновременно человеческие руки и могучие звериные лапы. Толстые пальцы заканчивались длинными изогнутыми когтями, а на некоторых из них поблёскивали ногти, похожие на отполированные чёрные клинки.

В каждой руке Махакала что-то держал. Я различал изогнутый ритуальный нож, чашу из человеческого черепа, напоминавшую капалу, трезубец и другие предметы, очертания которых то проступали сквозь дым, то исчезали за движущимися руками. Всё это покачивалось, звенело и двигалось вместе с ним, придавая его облику ещё большую устрашающую выразительность.

Я смотрел на него с изумлением, но, что особенно странно, совершенно не испытывал страха. Вместо этого меня охватило неожиданное беспокойство за монастырский пол.

Перед глазами сразу возникла картина, как чудовищно тяжёлые ноги Махакалы раскалывают старые каменные плиты, как они трескаются и разъезжаются под его весом. Я представил бедных монахов, которым потом придётся всё это восстанавливать, подбирать новые камни, выравнивать основание, переносить тяжёлые плиты и ремонтировать старинный двор.

А ведь в таком месте это совсем не простая работа. Высоко в горах каждый строительный материал приходится доставлять с огромным трудом, и даже небольшой ремонт может превратиться в серьёзное предприятие. Мне стало искренне жаль монахов. Я даже подумал, что такой могущественный защитник мог бы двигаться немного осторожнее, особенно если ему хорошо известно, насколько трудно поддерживать старинный монастырь в порядке.

С этой совершенно нелепой заботой о монастырском хозяйстве я повернул голову вперёд и увидел громадного Чебурашку. Он был почти таким же огромным и тяжёлым, как Махакала. Его большая голова покачивалась при каждом шаге, а невероятные уши торчали в стороны, словно два огромных крыла.

Когда Чебурашка повернул голову, одно из его ушей едва не задело высокий шест с молитвенным флагом. Я даже подумал, что если он сейчас развернётся чуть резче, то непременно снесёт всю конструкцию. Молитвенный флаг хлопал на ветру, дым клубился вокруг площадки, а впереди меня совершенно невозмутимо шагал гигантский герой русского мультфильма.

Всё это было настолько неожиданно, что я даже не успел как следует удивиться. На противоположной стороне квадратной площадки происходило нечто ещё более странное. Там кружился суфийский дервиш. Его свободные одежды развевались широкими складками, тело вращалось с удивительной лёгкостью, а движения становились всё стремительнее. Казалось, он не столько переставляет ноги, сколько скользит над каменными плитами, подчиняясь какому-то неслышному ритму.

Вокруг него вспыхивали золотистые искры. Они поднимались в воздух, кружились вместе с ним, смешивались с монастырским дымом и устремлялись в ночное небо.

Я видел всё одновременно: позади тяжело ступал чёрный шестирукий Махакала, впереди двигался огромный Чебурашка, а за молитвенным флагом кружился суфийский дервиш, окружённый золотыми огнями. И все мы продолжали двигаться вокруг одной и той же квадратной площадки.

Странным образом происходящее не казалось мне невозможным. Я не пытался убежать, не звал на помощь и даже не удивлялся тому, что знакомые люди вдруг приобрели совершенно фантастический облик. Моё внимание переходило от одного образа к другому, словно я наблюдал необычное представление, которое развернулось специально для меня.

Но самым удивительным оказалось то, что произошло затем.

Улей для падающих звёзд

Взгляд мой снова остановился на суфийском дервише. Среди развевающихся складок его одежды я заметил знакомый чёрный треугольник. Это был медальон нашего проводника, тот самый чёрный треугольник, который он связывал с Махакали и внутри которого теснились крошечные фигурки, похожие на пчёл.

Только теперь медальон светился. Сначала мне показалось, что золотистые искры, окружавшие танцующего дервиша, отражаются на его поверхности. Но почти сразу я заметил, что свет исходит изнутри самого изображения.

Маленькие фигурки начали двигаться. Они отделялись от чёрного треугольника, расправляли крошечные светящиеся крылышки и вылетали наружу. Я никак не мог понять, кто это был: то ли золотистые пчёлы, то ли крошечные эльфы, сотканные из света, то ли какие-то совершенно неведомые мне надмирные существа. Их облик словно соединял в себе черты всех этих созданий.

Их становилось всё больше. Они кружились вокруг дервиша, разлетались по монастырскому двору, поднимались над молитвенным флагом и исчезали в ночном небе. Затем возвращались обратно, устремляясь к чёрному треугольнику, словно к родному улью.

Я смотрел на них с возрастающим изумлением. Поначалу мне показалось, что они собирают в окружающем пространстве какой-то невидимый энергетический мёд. Маленькие светящиеся существа вылетали из улья, отправлялись на поиски чего-то неведомого и возвращались, словно выполняли привычную, давно установленную работу.

Но затем я заметил то, чего прежде не понимал. Одна из светящихся пчёл устремилась к падающей звезде. Звезда прочертила небо, и маленькое существо настигло её, подхватило и понесло обратно к медальону. Следом другая пчела поймала ещё одну звезду, потом третья, четвёртая. И тут я понял, что они собирают вовсе не мёд. Они собирают падающие звёзды!

Маленькие светящиеся пчёлы разлетались по небу, подхватывали звёзды и приносили их в свой чёрный треугольный улей. Каждая возвращалась со своей удивительной добычей, скрывалась внутри медальона и почти сразу уступала место следующей.

Звёздопад постепенно прекращался. Сначала исчезли самые яркие полосы, затем стали реже появляться маленькие огни. Пчёлы продолжали свою работу, пока в небе оставалась хотя бы одна падающая звезда.

Я смотрел на них, совершенно забыв о собственных шагах, о монастырском дворе и даже о гигантском Махакале с огромными белыми клыками и оскаленной пастью, который ещё недавно грозил разрушить каменный пол.

Наконец последняя светящаяся пчела подхватила последнюю падающую звезду. Она описала небольшую дугу над молитвенным флагом, устремилась к груди танцующего дервиша и скрылась внутри чёрного треугольника.

И в тот же миг всё исчезло.

Никакого постепенного растворения, никаких последних отблесков. Просто мгновение назад передо мной существовал удивительный мир, населённый гигантами, танцующими существами и светящимися пчёлами, собиравшими звёзды, а в следующее мгновение я снова увидел обычный монастырский двор.

Позади меня шёл молодой Дордже со своими удивительными светлыми глазами. Впереди двигался японский монах, которого я про себя называл Чебурашкой. По другую сторону квадратной площадки шагал наш проводник в гималайской шапочке. На его груди спокойно висел чёрный треугольный медальон.

Никаких пчёл, никаких золотистых искр, никаких великанов. Мы по-прежнему ходили вокруг молитвенного флага, повторяя упражнение тибетского йогина.

Холод гималайской ночи

Я поднял голову. Над горами ясно и неподвижно горели звёзды. Их было так много, что казалось, будто всё небо покрыто россыпью холодных драгоценных камней. Ни одна из них больше не падала.

Потом посмотрел на монастырскую крышу. Петуха там не было.

Я ещё некоторое время пытался понять, что произошло, но мысли путались. Только что за мной шёл огромный Махакала, громадный Чебурашка едва не сносил ушами молитвенный флаг, а светящиеся пчёлы собирали падающие звёзды. Теперь вокруг находились обычные люди, обычные каменные стены и монастырский двор, над которым ветер продолжал гонять дым курильни.

И тут я впервые почувствовал холод. Он словно спустился к нам с гор вместе с ночным ветром. Холодный воздух проникал под одежду, касался лица, забирался за воротник. Я невольно поёжился и плотнее запахнул куртку. До этого момента я совершенно не замечал, насколько похолодало.

Почему-то сразу вспомнился странствующий йогин, передавший нам практику семи шагов. Его длинные волосы, лёгкая одежда, сандалии на босых ногах и совершенно спокойный вид среди гималайского холода снова возникли перед глазами. Интересно, чувствует ли он вообще этот холод? Я представил, как он где-нибудь сидит в своей лёгкой одежде, совершенно не обращая внимания на ночной ветер, и подумал, что, наверное, ему сейчас ничуть не холодно.

Мы постепенно закончили упражнение. До следующих трёх ступеней, когда закрытыми глазами предстояло проходить уже четыре, пять и шесть шагов из семи, в тот вечер так и не добрались.

Японец выглядел довольным. Монашонок оживлённо о чём-то разговаривал с проводником, а тот переводил отдельные замечания и улыбался. Все мы были немного утомлены продолжительной ходьбой, но чувствовалось, что необычная практика оставила у каждого собственные впечатления.

Я слушал их разговор, временами отвечал на вопросы, но о том, что только что увидел, рассказывать не спешил. Слишком уж невероятным оказалось пережитое. Меня занимал прежде всего петух. Куда он всё-таки делся? Ведь он не просто стоял на крыше. Я совершенно отчётливо слышал, как он громко кукарекал, словно собирался разбудить весь монастырь.

Может быть, он улетел, пока я смотрел на Махакалу и светящихся пчёл? А может быть, никакого петуха там никогда не было?

Я ещё раз посмотрел на пустую крышу. Над ней неподвижно сияли звёзды, а ветер шевелил тёмные края старой кровли. Ответа, разумеется, не последовало.

Мы вернулись в монастырские помещения. Впереди была короткая гималайская ночь и продолжение нашего путешествия. Но история с петухом на этом не закончилась.

Перо на каменных плитах

На следующее утро я снова вышел во внутренний двор монастыря. При дневном свете всё выглядело совершенно иначе. Солнце освещало старые стены, на каменных плитах лежали чёткие тени, а над квадратной площадкой лениво развевался молитвенный флаг. Горы, которые ночью казались огромными чёрными силуэтами, теперь открывались во всей своей суровой красоте.

Курильня уже не окутывала двор густыми клубами дыма. Возле неё хлопотал монах, выгребая золу после ночного воскуривания. Рядом лежала принесённая им целая охапка свежих веток, которые он собирался заложить для утреннего воскуривания. Воздух был прозрачным, холодным и удивительно свежим.

Я остановился возле площадки, вокруг которой мы вчера так долго ходили, и невольно посмотрел на крышу. Петуха не было ни на том месте, где я его видел, ни поблизости. Я даже усмехнулся, вспомнив, как он громко кукарекал среди ночи и как неожиданно мне пришла в голову пушкинская сказка о золотом петушке.

Затем медленно обошёл площадку, рассматривая каменные плиты. Никаких следов разрушительной поступи Махакалы, разумеется, не обнаружилось. Пол был совершенно цел, и мне стало немного смешно от воспоминания о том, как искренне я переживал за предстоящий ремонт.

И тут на одном из камней я заметил небольшое перо. Оно лежало почти у края площадки, возле места, где накануне проходил наш круговой маршрут. Я наклонился и поднял его.

Перо было тёмным, с красивым переливчатым блеском. Когда я повернул его к солнцу, по поверхности пробежали зеленоватые и золотистые отблески, напоминавшие оперение того самого петуха, которого я видел на крыше.

Конечно, оно могло принадлежать совершенно другой птице. В гималайских горах немало пернатых, и я не собирался определять его происхождение по одному лишь сходству. Но почему-то мне сразу показалось, что это перо именно того петуха.

Я повертел его между пальцами, снова посмотрел на пустую монастырскую крышу и невольно улыбнулся.

Вчера ночью над Гималаями падали звёзды, огромный Махакала грозил разрушить монастырский двор, а маленькие светящиеся пчёлы собирали небесные огни в чёрный улей гималайской кровавой богини. И среди всего этого невероятного представления на крыше сидел петух, который громко кукарекал, словно хотел предупредить меня о чём-то важном.

Теперь от него, возможно, осталось только это небольшое переливчатое перо.

Я ещё раз посмотрел на него и подумал:

Интересно, что бы сказал на это Пушкин?

Глава вторая. Сто процентов зрения. Сто процентов чего?

Дорога в Лех

На следующее утро мы продолжили путешествие в сторону Леха, столицы Ладакха. За ночь словно переменилось не только наше местоположение, но и само настроение окружающего мира. Горы по-прежнему возвышались вокруг, однако суровые ущелья постепенно уступали место просторным долинам, вдоль которых текли реки. Между каменистыми холмами появлялись зелёные участки, небольшие селения и возделанные поля. Солнце свободно освещало дорогу, воздух становился теплее, и после вчерашнего холода окружающая природа казалась необыкновенно доброжелательной.

Менялась и сама дорога. Ещё недавно наш джип пробирался по узким горным участкам, где с одной стороны нависали скалы, а с другой начинались глубокие обрывы. На дне некоторых ущелий виднелись искорёженные автомобили, когда-то сорвавшиеся вниз. Они годами оставались там, куда упали, словно безмолвные предупреждения всем, кто продолжал движение по этим опасным дорогам. Теперь подобные картины остались позади. Мы ехали вдоль рек, среди невысоких холмов, и даже самые крутые повороты уже не вызывали прежнего напряжения. Вместе с изменением дороги постепенно менялось и наше настроение.

Наш джип, словно небольшой корабль, неспешно плыл среди холмов и речных долин. За рулём сидел всё тот же невозмутимый водитель, который с утра до вечера уверенно вёл машину, почти не меняя выражения лица. Он спокойно объезжал камни, выбирал удобные участки дороги и время от времени отправлял в рот содержимое маленьких ярких пакетиков.

Поначалу эта привычка меня настораживала. Я даже подозревал, что водитель употребляет какое-то наркотическое средство, и на опасных горных участках подобные мысли не прибавляли мне спокойствия. Однако проводник объяснил, что это пан-прасад, распространённая в Индии жевательная смесь, которую продают практически в любом киоске. Что именно содержалось в пакетиках нашего водителя, я так и не выяснил, но вскоре привык к этой особенности и перестал обращать на неё внимание.

Гораздо интереснее было наблюдать за его взглядом. Он смотрел на дорогу с такой спокойной сосредоточенностью, словно заранее знал, где окажется каждое колесо машины через несколько секунд. Его руки почти незаметно поворачивали руль, ноги своевременно управляли педалями, а взгляд постоянно оценивал пространство впереди. Там, где я видел препятствие, он уже находил путь его преодоления. За многие часы дороги мне ни разу не удалось заметить в его движениях суету или растерянность. Казалось, водитель воспринимает не только тот участок дороги, который находится непосредственно перед машиной, но и всё предстоящее движение.

Наблюдая за ним, я невольно вспоминал вчерашние события. После встречи со странствующим йогином мне хотелось внимательнее присматриваться ко всему, что связано со зрением, движением и восприятием окружающего пространства. Перед глазами вновь и вновь возникали картины прошедшей ночи: огромная фигура шестирукого Махакалы, странные превращения моих спутников, падающие звёзды и маленькие золотистые существа, похожие одновременно на пчёл и сказочных эльфов. Я вспоминал чёрного петуха на крыше монастыря и найденное утром тёмное перо с необычными переливами. Перо можно было взять в руки, рассмотреть при солнечном свете, почувствовать его лёгкость, но от этого загадка ночного происшествия не становилась понятнее.

Впрочем, вчерашнее приключение продолжалось для меня даже среди белого дня. В очертаниях придорожных скал, нагромождениях камней и неровностях холмов мне то и дело мерещились знакомые образы. Где-то выступающий камень напоминал грозный лик Махакалы, в другом месте среди скальных обломков угадывалась фигура чёрного петуха, а порой неожиданно возникали даже очертания Чебурашки, каким я видел нашего японского монаха прошедшей ночью. Стоило изменить положение головы или посмотреть под другим углом, как эти образы исчезали, уступая место обычным камням. Похоже, зрение ещё продолжало жить наиболее яркими впечатлениями вчерашнего приключения. Или, возможно, всё происходило наоборот: воображение вновь и вновь создавало знакомые образы, а зрение послушно находило их среди случайных очертаний окружающего мира.

Эта странная игра воображения и зрения особенно ощутимо проявлялась, когда я смотрел на небольшой чёрный треугольный медальон Махакали, висевший на груди проводника. Вчера ночью я видел, как золотистые существа собирали падающие звёзды и исчезали вместе с ними внутри этого треугольника. Теперь медальон поблёскивал в лучах солнца, проникавших через окно машины, и временами мне казалось, будто внутри него всё ещё продолжается какая-то жизнь. На мгновение возникало почти физическое ощущение, что стоит присмотреться внимательнее, и я снова увижу крошечных существ, снующих в его глубине.

Сам проводник ничего необычного не замечал. Он спокойно разговаривал с водителем, показывал нам расположенные вдоль дороги селения и монастыри, иногда рассказывал о местных обычаях. Для него путешествие продолжалось привычным порядком, тогда как я всё ещё пытался разобраться в произошедшем.

За годы странствий мне не раз приходилось сталкиваться с событиями, которые сначала казались совершенно необъяснимыми. Некоторые из них впоследствии получали простое объяснение, другие заставляли глубже знакомиться с традициями и представлениями людей, среди которых я путешествовал. Поэтому я не торопился ни объявлять вчерашнее видение чудом, ни списывать его на игру воображения. Меня всё больше занимал другой вопрос: каким образом наш прежний опыт влияет на то, что мы замечаем в окружающем мире?

Постепенно моё внимание снова переключилось на природу. За окнами сменялись речные долины, зелёные участки земли и невысокие каменистые холмы. Пространство становилось всё более открытым. Я внимательно рассматривал склоны, замечал необычные очертания камней, следил за изменением освещения и был уверен, что после вчерашних приключений мой взгляд стал особенно наблюдательным.

Однако во время одной из остановок меня ожидало открытие, которое заставило усомниться в собственных зрительных возможностях гораздо сильнее, чем все необычные образы прошедшей ночи.

Овцы, которых я не увидел

Мы вышли из машины, чтобы размять ноги и осмотреть окрестности. Неподалёку протекала река, а за ней поднимались пологие холмы, покрытые сухой травой, редкими кустарниками и камнями. После вчерашних отвесных скал окружающая местность казалась почти равнинной. Здесь было много света, воздуха и свободного пространства, позволяющего взгляду беспрепятственно уходить вдаль.

Неподалёку стоял местный пастух. Его тёплая, выгоревшая на солнце одежда была заметно поношена, а головной убор защищал лицо от яркого высокогорного света. Обветренная кожа, глубокие складки возле глаз, неторопливые движения выдавали человека, привыкшего проводить большую часть жизни под открытым небом. Он спокойно наблюдал за окружающими холмами, время от времени переводя взгляд с одного склона на другой.

Заметив наше внимание к местности, пастух обратился к проводнику и указал рукой куда-то вдаль. Тот перевёл его слова:

«Посмотрите, как высоко забрались овцы!»

Я поднял голову и посмотрел в указанном направлении. Вдали простирался большой пологий холм, отделённый от нас огромным пространством долины. Он был прекрасно освещён солнцем, но расстояние оказалось настолько большим, что отдельные предметы на его склоне почти невозможно было различить. Даже крупные кусты, которые вблизи наверняка имели вполне отчётливые очертания, здесь сливались с общим ландшафтом, превращаясь в едва заметные пятна среди сухой травы и камней. Холм воспринимался скорее как единая поверхность с неясным рисунком светлых и тёмных участков, чем как множество отдельных предметов. Никаких овец я там не обнаружил.

Я попросил проводника уточнить, где именно находятся животные. Тот перевёл мой вопрос пастуху, и между ними завязался короткий разговор. Пастух снова показал на холм, немного изменил направление вытянутой руки и начал объяснять расположение животных.

«Вон там три овцы, немного ниже ещё две, а возле тех камней целая группа, примерно семь», — передал его слова проводник.

Я внимательно проследил направление руки, выбрал указанный участок склона и попытался найти хотя бы одну овцу. Но расстояние было настолько огромным, что я не мог уверенно различить даже те камни и кустарники, на которые ссылался пастух. Всё сливалось в общий рисунок холма. Я несколько раз переводил взгляд выше и ниже, пытаясь обнаружить хоть какое-нибудь движение или очертания животных, но безуспешно. Пастух терпеливо повторял объяснения, показывая новые ориентиры, а я всё никак не мог увидеть то, что для него было совершенно очевидным.

Самое удивительное заключалось в том, что пастух не прилагал для этого никаких заметных усилий. Он не вытягивал шею, не прикрывал глаза ладонью и не пытался особенно сосредоточиться. Его взгляд спокойно находил отдельных животных на далёком холме, словно они находились совсем рядом. Он даже мог приблизительно подсчитать их количество и показать, где располагается каждая группа.

Наконец мы попросили у водителя бинокль. Я навёл его на указанный пастухом склон и сразу увидел овец. Они действительно находились именно там, где он показывал: несколько животных выше по склону, другие возле камней. Я передал бинокль проводнику. Тот тоже внимательно осмотрел холм и удивлённо подтвердил, что пастух всё видел правильно. Мы переглянулись: без бинокля ни мне, ни проводнику не удалось различить животных, которых пастух спокойно находил одним взглядом.

Мне стало немного досадно. Ведь на зрение я никогда особенно не жаловался, а в тот период считал его превосходным. Я уверенно видел не только десятую строку таблицы Сив-

цева, которую обычно принимают за нормальную остроту зрения, но и несколько более мелких строк. Мои результаты были значительно лучше привычных ста процентов, и я вполне заслуженно гордился этим.

Рядом стоял человек, который, возможно, никогда в жизни не проверял зрение по таблице и не имел ни малейшего представления о том, сколько процентов составляет его острота зрения. Ему нужно было следить за овцами, и он их видел. Мне же, человеку с прекрасными результатами проверки зрения, без бинокля не удавалось обнаружить ни одной.

Я ещё раз посмотрел на далёкий холм, затем на пастуха и невольно вспомнил, как совсем недавно среди камней мне мерещились Махакалы, петухи и Чебурашки. Там моё воображение находило знакомые образы в случайных очертаниях скал. Здесь же, на совершенно реальном холме, находились настоящие животные, но я не мог их различить. Пастух, напротив, уверенно видел то, что имело значение в его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.